

В.В. КОНДРАШИН

ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ О ГОЛОДЕ 1932–1933 гг. В СССР

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

В статье рассматриваются причины, масштабы и демографические последствия голода 1932–1933 гг. в СССР. По мнению автора, голод явился закономерным результатом ошибок аграрной политики сталинского руководства. Доказана непосредственная связь между принудительными сверхнормативными хлебозаготовками и зерновым экспортом, осуществлявшимся в интересах индустриализации. К резкому падению урожайности зерновых привело также разрушение животноводства в результате коллективизации, развал совхозной системы, бюрократическая неразбериха в управлении новой аграрной экономикой. Реакция сталинского режима на трагедию была запоздалой, недостаточно эффективной, а на начальной стадии трагедии – преступной.

Ключевые слова: голод, коллективизация, крестьянство, сельское хозяйство, хлебозаготовки, зерновой экспорт.

По инициативе Федерального архивного агентства Российской Федерации с 2007 г. осуществляется международный научный проект «Голод в СССР. 1929–

1934 гг.». Его целью является подготовка к печати сборника документов по данной теме. В работе над проектом принимают участие государственные архивы России, Казахстана, Беларуси и Киргизии.

В ходе работы над проектом выявлены новые документы из Архива Президента Российской Федерации (АПРФ), Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ, Архива внешней политики МИД РФ (АВПРФ), Российского государственного архива

социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), позволяющие получить более четкое представление о причинах, масштабах и последствиях голода 1932–1933 гг. в СССР [1; 2, с. 94–127].

Все эти материалы убедительно свидетельствуют, что голод в СССР в начале 1930-х гг. явился результатом комплекса причин объективного и субъективного характера. Главной из них являлась аграрная политика сталинского руководства СССР, проводившаяся в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Ее целью было превращение сельского хозяйства в основной источник ресурсов для форсированной индустриализации страны, которая началась в СССР в конце 1920-х гг. Стране требовались средства на закупку за рубежом оборудования для флагманов первой пятилетки, а растущие города нуждались в больших объемах продовольствия¹. Они могли быть получены за счет внутренних ресурсов и финансовой помощи СССР со стороны западных стран. Но западные страны отказали СССР в необходимых кредитах на эти цели или они были незначительными с точки зрения его потребностей. Поэтому главным источником индустриализации страны стало сельское хозяйство.

Именно для обеспечения индустриализации необходимыми ресурсами и начала проводиться в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. новая аграрная политика. Эта политика преследовала цель – добиться резкого повышения товарности сельскохозяйственного производства за счет изменения его организационных форм. Ее ошибки привели в конечном итоге к голоду 1932–1933 гг. Основным содержанием этой политики стало насильственное насаждение колхозов в зерновых районах СССР, строительство крупных государственных хозяйств – совхозов при одновременной ликвидации мелкого крестьянского производства как неэффективного и низкотоварного, неспособного удовлетворить потребности строящейся промышленности и растущего городского населения в условиях индустриализации.

Для такого рода действий у сталинского руководства имелись и объективные причины. К концу 1920-х гг. сельское хозяйство СССР оказалось в со-

стоянии стагнации, в стране возник серьезный продовольственный кризис, была введена карточная система для городского населения. Чрезвычайные меры заготовок продовольствия, особенно хлеба, в 1927–1929 гг. не дали должных результатов². Выходом из этой ситуации стал курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства СССР в 1930 г.

По замыслу сталинского руководства она должна была обеспечить рост сельскохозяйственного производства, а самое главное – увеличить его товарность. Последнее обстоятельство имело первостепенное значение с точки зрения политики индустриализации: в 1930 г. был запланирован экспорт в Западную Европу огромного количества советского зерна (более 5 млн т)³. Политика зернового экспорта была оптимальной с точки зрения имеющихся у СССР возможностей получения валюты для нужд индустриализации. В то же время она потребовала форсированного сбора и своевременного вывоза за границу огромных объемов зерна. В краткие сроки получить его можно было, лишь используя ресурсы создаваемого для этой цели колхозно-совхозного строя. В противном случае СССР ожидало невыполнение экспортных контрактов и, как следствие, срыв плана индустриализации. Отсюда сплошная коллективизация в начале 1930 г. и нажим на деревню со всеми вытекающими последствиями.

В 1930–1932 гг. СССР удалось заключить с западноевропейскими партнерами контракты на поставку в Западную Европу значительных объемов пшеницы и других зерновых культур. Взамен страна получила оборудование для своих заводов. Основными потребителями советского зерна были Англия, Италия, Германия, Бельгия и другие страны. В начале 1930-х гг. западноевропейские потребители получили из СССР свыше 12 млн т зерна⁴. Это сотрудничество осуществлялось на фоне голода миллионов советских крестьян, ставших жертвами «голодного экспорта» и сталинской индустриализации. Данный факт был хорошо известен широкой европейской общественности, несмотря на его замалчивание в СССР⁵. Но он не повлиял существенно образом на отношения ведущих европейских стран и США к Советскому Союзу. Более того, эти отношения укреплялись. Документы свидетельствуют, что СССР готов был отказаться в 1931 г. от «голодного экспорта» при условии получения от западных стран кредитов⁶. Но этого не произошло.

² См. выступление на эту тему на апрельском 1929 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) председателя СНК СССР А.И. Рыкова [5, с. 328, 335, 345–346, 354].

³ См. выступление наркома внешней и внутренней торговли СССР А.И. Микояна на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 11 ноября 1929 г. [6, с. 79–81].

⁴ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегод. М., 1936. С. 687.

⁵ АВПРФ. Ф. 5. Оп. 13. П. 93; Д. 47. Л. 72; Ф. 054. Оп. 10. П. 441. Д. 121. Л. 50–50 об.

⁶ Об этом шла речь, например, в директивах Политбюро ЦК ВКП(б) для советской делегации на международную конференцию по зерну от 15 марта 1931 г. (РГАСПИ. Ф. 7. Оп. 162. Д. 9. Л. 167–168).

¹ См. об этом речь И.В. Сталина 19 ноября 1928 г. на ноябрьском объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» [см.: 3, с. 252–253, 258–259]. О значении экспорта хлеба для нужд индустриализации говорится в письме И.В. Сталина В.М. Молотову от 24 августа 1930 г., а именно: «Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 мил[лионов] пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский и пр.) заводов. Найдутся мудрецы, которые предложат подождать с вывозом, пока цены на хлеб на между[народном] рынке не подымутся «до высшей точки». Таких мудрецов немало в Наркомторге. Этим мудрецов надо гнать в шею, ибо они тянут нас в капкан. Чтобы ждать, надо иметь валютн[ые] резервы. А у нас их нет. Чтобы ждать, надо иметь обеспеченные позиции на между[народном] хлебн[ом] рынке. А у нас нет уже там давно никаких позиций, – мы их только завоевываем теперь, пользуясь специфически благоприятными для нас условиями, создавшимися в данный момент. Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба» [4, с. 203–204].

Связь зернового экспорта, коллективизации и голода 1932–1933 гг. очевидна и не вызывает сомнений. В эпицентрах голода оказались главные житницы СССР, традиционно являвшиеся основными поставщиками зерна на экспорт и в промышленные центры страны. В 1930–1932 гг. основной вывоз хлеба пришелся на четыре региона СССР – Украину, Северный Кавказ, Поволжье и Центральный Черноземный район⁷. В 1932–1933 гг. именно они станут зонами массового голода. Необходимость обеспечения экспортных заданий придала в этих регионах коллективизации и заготовкам хлеба особо репрессивный и разрушительный для сельскохозяйственного производства характер. Таким образом, экономическая специализация районов предопределила масштабы трагедии 1932–1933 гг. в конкретных регионах СССР: более всего пострадали зерновые районы, основные житницы страны.

Сталинское руководство СССР, разумеется, не стремилось к организации голода, но проводившаяся им политика насильственной коллективизации и принудительных хлебозаготовок, ее ошибки вели к нему. Прежде всего, явно непродуманной с точки зрения негативных последствий была утвердившаяся в СССР с началом коллективизации система планирования обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции. Она была нацелена на максимальное изъятие зерна и продовольствия из деревни, без должного учета реальных возможностей сельского хозяйства.

С началом коллективизации планы хлебозаготовок оказались увеличены более чем в 2 раза, составив, например, в 1930 г. гигантскую цифру – 24 млрд т, против 11,2 млрд т в 1928 г. Планы хлебозаготовок росли и в последующие годы. Они устанавливались на основе формального показателя роста посевных площадей в СССР в годы коллективизации. При планировании не учитывалось ставшее следствием коллективизации сокращение поголовья рабочего скота, а также резкое неприятие подавляющим большинством крестьян новых форм сельхозпроизводства, поскольку государство забирало себе в счет заготовок фактически всю произведенную ими продукцию. Кроме того, из-за насильственной коллективизации в 1930–1932 гг. основные зерновые регионы СССР покинуло не менее 7 млн самых активных крестьян, которые ушли в город, пополнив ряды заводских рабочих. Все это привело к резкому снижению уровня агротехники в сельском хозяйстве, особенно в колхозах, ставших к 1931 г. его главным сектором.

В результате в 1930–1932 гг. произошло резкое падение урожайности зерновых культур и сокращение

производства животноводческой продукции (мяса, молока). За годы коллективизации животноводство лишилось половины поголовья и примерно столько же готовой продукции [7, с. 35].

Негативное влияние на планирование хлебозаготовок и их выполнение оказала созданная сталинским руководством в годы коллективизации бюрократическая система управления сельским хозяйством⁸. Многочисленные центральные ведомства новой «колхозно-совхозной экономики» (Наркомзем, Наркомснаб, Наркомсовхоз, Колхозцентр и др.) и региональные руководители безоговорочно выполняли политику партийного руководства по выкачиванию из села всех ресурсов, зачастую выступая инициаторами более жестких мер. В условиях установления сталинской диктатуры, разгрома правой оппозиции в стране уже не было политических сил, способных скорректировать ее политику, свести к минимуму ее ошибки.

Одной из таких ошибок стал фактический развал к концу 1931 г. крупных государственных сельскохозяйственных предприятий – совхозов, активно насаждавшихся в зерновых районах СССР. По замыслу сталинского руководства совхозы должны были стать образцовыми хозяйствами с высокой товарностью производимой продукции. При этом они материально поддерживались государством. Но в 1931 г. совхозы сорвали все государственные планы, превратившись в «нахлебников». Весь невыполненный совхозами план заготовок сельхозпродукции (10 % годового плана) был переложено на колхозы, что еще больше усугубило их положение [2, с. 97].

Негативно система планирования хлебозаготовок в 1930–1932 гг. отразилась и на единоличном секторе аграрной экономики. Чтобы вынудить единоличников вступать в колхозы, им устанавливались явно завышенные планы, которые не выполнялись⁹. Невыполненные задания возлагались на колхозы, что еще больше подрывало их продовольственные ресурсы.

Ярким показателем несовершенства сталинской бюрократической системы в области планирования хлебозаготовок является факт отсутствия у руководства страны точных данных о реальных размерах урожая зерновых культур¹⁰. Органы статистики в угоду желаниям Центра преувеличивали цифры урожайности и товарности зернового производства, что приве-

⁸ См. на эту тему письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу 17 июля 1932 г. В нем вожь писал: «(4) Вообще должен сказать, что НКЗем, как хозяйственный наркомат, не выдержал экзамена. Местные работники издеваются над НКЗемом, как совершенно не состоятельным с точки зрения хозяйственного руководства» [8, с. 232].

⁹ Характерной на эту тему является докладная записка секретаря обкома ВКП(б) ЦЧО И.М. Варейкиса на имя И.В. Сталина от 28 ноября 1932 г. (АПРФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 84. Л. 74).

¹⁰ Об этом прямо указывалось в объяснительной записке начальника ЦУНХУ СССР В.В. Осинского И.В. Сталину от 7 ноября 1932 г. «О размерах валового сбора хлебов и записке т. Яковлева» (АПРФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 83).

⁷ Так, в сентябре 1930 г. из 1,6 млн т зерна, запланированного на экспорт, с Украины предусматривалось взять 875 тыс. т (55 %), Северного Кавказа – 525 тыс. т (33 %). Остальное задание разверстывалось на Нижнюю Волгу, ЦЧО и Крым (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 24, 26–27). В октябре 1930 г. из 1,5 млн т экспортного зерна Украина дала 810 тыс. т, Северный Кавказ – 280 тыс. т, Нижняя Волга – 175 тыс. т, ЦЧО – 140 тыс. т (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 12). Аналогичная ситуация повторилась и в 1931 г. (ГАРФ. Ф. Р-5674. Оп. 3с. Д. 18. Л. 304–307).

ло к установлению в 1931–1932 гг. завышенных планов хлебозаготовок.

Такая позиция органов статистики и всей бюрократической системы управления сельским хозяйством СССР основывалась на антикрестьянском настрое И.В. Сталина и его ближайшего окружения, считавших главной причиной трудностей с заготовками продовольствия в стране не низкий уровень производительности сельского хозяйства, а «кулацкий саботаж», нежелание крестьян сдавать государству хлеб по установленным им ценам. Отсюда вытекала и вся антикрестьянская аграрная политика сталинизма, имевшая своей целью заставить крестьян работать на государство в колхозах на положении крепостных.

В действительности же «кулацкого саботажа» не существовало. Валовые сборы зерновых в СССР в рассматриваемый период были значительно ниже биологической урожайности (на корню) в силу общего снижения уровня агротехники из-за издержек коллективизации [9, с. 14–42]. Но данный факт учитывался сталинским руководством СССР в самую последнюю очередь.

В 1930–1932 гг. издержки планирования и управления сельским хозяйством СССР с лихвой компенсировались административно-репрессивным ресурсом государства. Ставка сталинского руководства на насилие над крестьянством стала государственной политикой, главным методом решения проблемы изъятия из деревни продовольственных ресурсов для нужд индустриализации. Из Центра и лично от И.В. Сталина шли грозные директивы в регионы о необходимости выполнения плана любой ценой [2, с. 98–99]. Большинство попыток местных властей добиться его уменьшения решительно пресекались. Планы хлебозаготовок сокращались Центром лишь тогда, когда выяснялось, что они не выполнимы в полном объеме и в установленный срок. Так было на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье в 1932 г.

Следует отметить, что фактором объективного характера, повлиявшим на снижение урожая зерновых культур и наступление голода, стали не совсем благоприятные природно-климатические условия, особенно засуха в 1931 г. и проливные дожди летом 1932 г. Они придали хлебозаготовкам особую напряженность, так как сократили количество зерна для внутреннего потребления, особенно в деревне. Львиная его доля изымалась в счет выполнения экспортных планов, а также снабжения растущего городского населения (в 1931–1932 гг. оно увеличилось на 4 млн чел.).

Голод нарастал по мере осуществления сталинской аграрной политики, разрушавшей сельское хозяйство страны. Уже в 1929–1930 гг. в сельской местности крестьяне стали умирать от голода. Затем ситуация ухудшилась. В 1932 г. в зерновых районах СССР начался массовый голод (Украина, Северный Кавказ, Поволжье и др.).

В начале 1932 г. сталинское руководство осознает наличие в стране глубокого кризиса сельского хозяйства и голода и принимает меры по их ослаблению. Голодающим регионам предоставляются значитель-

ные зерновые и продовольственные ссуды на проведение весенней посевной кампании, за границей закупается элитное семенное зерно, племенной скот [1, док. № 22–51]. Весной 1932 г. объявляется право свободной торговли хлебом для колхозов и единоличных хозяйств, выполнивших планы хлебозаготовок, устраняются административные препятствия для развития в деревне личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и т.д. Но все эти меры так называемого «неонэпа» не дали должного результата, потому что являлись запоздалыми.

Три года насильственной коллективизации привели сельское хозяйство СССР к глубочайшему кризису: у крестьян не осталось хлеба для «свободной торговли» (все ушло в хлебозаготовки), было подорвано их доверие к колхозам, разрушено животноводство, для проведения качественных сельскохозяйственных работ не хватало тягловой силы. К началу уборочной кампании 1932 г. голодные крестьяне не только не имели возможности добросовестно работать в колхозах, но и не хотели. Наученные горьким опытом прежних лет, когда в счет хлебозаготовок и других госпоставок забирали заработанный на трудодни хлеб, они уже не доверяли государству. Именно поэтому массовым явлением в советской деревне летом 1932 г. становится хищение крестьянами колхозного урожая, а также крайне некачественная уборка с целью оставить в деревне как можно больше хлеба. Апатия и нежелание крестьян добросовестно работать в колхозах возрастали по мере доведения до села новых планов хлебозаготовок, которые напоминали предыдущие, те, которые обрекали их на голод.

Столкнувшись на практике с фактическим сопротивлением крестьянства государственной аграрной политике, сталинское руководство берет курс на развертывание против него массовых репрессий. Необходимо было заставить крестьян убрать урожай и сдать его государству в установленных размерах. Этого требовали и объективные причины – необходимость продовольственного обеспечения городов, где кризис со снабжением населения хлебом и другими продуктами из года в год нарастал, а в 1932 г. приобрел форму массовых волнений рабочих на почве голода¹¹.

На выбор руководством СССР во второй половине 1932 г. в качестве основной меры выхода из кризиса административно-репрессивного ресурса повлияла и неблагоприятная международная обстановка: осложнение отношений СССР с Японией на Дальнем Востоке, приход к власти в Германии нацистов. В этих условиях необходимо было продемонстрировать «твердость» и «силу», сохранить лицо на международной арене и показать СССР как динамично развивающуюся державу,

¹¹ Так, в апреле–мае 1932 г. состоялись забастовки рабочих на предприятиях в Вичугском, Лежневском, Пучежском и Тейковском районах Ивановской промышленной области (Государственный архив Ивановской области. Ф. П-327. Оп. 4. Д. 514. Л. 18–27), а также волнения населения г. Борисова (БССР) на почве продовольственных трудностей (Государственный архив Минской области. Ф. 164П. Оп. 1. Д. 132. Л. 388–392).

способную противостоять угрозам извне, выполнять заключенные экономические контракты с западными партнерами (см. об этом подробнее: [10, с. 168–170]).

В результате во второй половине 1932 г. в СССР разворачиваются беспрецедентные массовые репрессии против крестьянства. В районы, наиболее проблемные и важные с точки зрения роли в зерновом производстве страны (Украину, Северный Кавказ, Нижнюю Волгу), Центр направляет специальные чрезвычайные комиссии по хлебозаготовкам, возглавлявшиеся В.М. Молотовым, Л.М. Кагановичем, П.П. Постышевым. В качестве основного инструмента для своей работы они используют массовые аресты «саботажников» из числа крестьян и местного актива, блокаду селений с целью не допустить вывоза оттуда хлеба, занесение деревень, не выполнивших план, на «черные доски», следствием которого был запрет на торговлю и натуральные штрафы и т.п. Действия регионального руководства и эмиссаров Центра внимательно контролировались и корректировались лично И.В. Сталиным [10, с. 141–171, 237–248].

Сложившаяся ситуация явно свидетельствовала о провале сталинской коллективизации. Вместо роста сельскохозяйственной продукции произошло ее сокращение. На начало 1933 г. размеры продовольственных запасов СССР составили всего 342 млн пуд., почти в 3 раза меньше по сравнению с 1931 г. (1011 млн пуд.) [2, с. 96]. По рассекреченным данным Комитета резервов при СТО СССР, на начало 1933 г. неприкосновенный фонд продовольственных хлебов был полностью израсходован. Именно поэтому голод приобрел огромные масштабы в СССР в первой половине 1933 г.

Итогом хлебозаготовительной кампании 1932 г. стал массовый смертный голод в основных зерновых регионах СССР (Украине, на Северном Кавказе, в Поволжье, в Центральном Черноземном районе, на Южном Урале, в Западной Сибири), а также в Казахстане.

Масштабы жертв голода являются пропорциональными удельному весу регионов в хлебозаготовках. Больше умирали там, где больше производилось хлеба и, соответственно, больше изымалось в счет госпоставок. Об этом убедительно свидетельствуют материалы Всесоюзных переписей населения СССР 1926 и 1937 гг., а также текущей демографической статистики государственных органов учета населения СССР¹². Всего в эпицентре смертного голода оказалось более 50 млн чел. Особая ситуация сложилась в Казахстане, где наряду с голодом в зерновых районах, пострадавших от хлебозаготовок, массовая смертность населения произош-

ла в животноводческих районах из-за массового падежа скота вследствие непродуманной политики коллективизации.

В 1932–1933 гг. в разной степени голодало все население СССР, в том числе городское. Жертвами голода стали не менее 7 млн чел. Подавляющая их часть оказалась сосредоточена в двух регионах СССР – Украине (3–3,5 млн чел.) и РСФСР (4 млн чел.) [12, с. 885]. Голод не имел национальной окраски. Его интенсивность и масштабы определялись экономической специализацией регионов.

Увеличение голодной смертности в 1933 г. в СССР в значительной мере произошло в результате действий сталинского руководства по борьбе со стихийной миграцией. Речь идет о печально известной директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР о предотвращении массового выезда голодающих крестьян от 22 января 1933 г., согласно которой следовало остановить массовый выезд крестьян «за хлебом» из УССР и Северо-Кавказского края. Целью директивы было стремление не допустить массового исхода сельского населения из зон голода в города, где и так уже был голод, сохранив таким образом колхозный строй. Подобные меры практиковались и в других государствах во время голода. Они существенно повлияли на гибель от голода крестьян, оказавшихся в зонах блокады. В связи с этим не соответствуют действительности утверждение украинских историков о том, что блокада была установлена только против Украины и Кубани с украинским населением.

Во-первых, вышеупомянутая директива касалась не только Украины и Кубани, но и Дона, национальных автономий Северо-Кавказского края. А, во-вторых, 16 февраля 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало ОГПУ распространить постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 22 января 1933 г. «О самовольном выезде крестьян из пределов своей области, задержке их и принудительном возврате на старые места жительства» и на Нижне-Волжский край [12, с. 644]. Это решение выполнялось. Местные активисты и органы ОГПУ вылавливали и возвращали на свои места и украинских, и русских крестьян. Об этом можно судить хотя бы по «Директивному распоряжению начальника Орловского оперсектора ОГПУ ЦЧО» от 1 апреля 1933 г. В нем указывается: «за последнее время усилились выезды крестьян из Украины, С[еверо-]К[авказского] К[рая], Н[ижне-]В[олжского] К[рая] <...>, выявленные безглицы подлежат немедленному задержанию и водворению обратно на родину <...>, вагоны с бежавшими с Украины, СКК, НВК направляйте с конвоем на ст. Орел лин[ейный] пост Т[ранспортного] О[тдела] ОГПУ, откуда <...> по месту назначения»¹³.

Усугубила ситуацию и политика замалчивания голода сталинским руководством, стремившимся «сохранить лицо». Предлагаемая международная помощь со стороны европейских общественных орга-

¹² Данные Всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг. показывают, что, как минимум, четыре региона РСФСР – Саратовская область, АССР немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, Челябинская область – пострадали тогда не меньше, чем Украина. Сравнительный анализ материалов переписей фиксирует сокращение сельского населения в районах СССР, пораженных голодом в начале 1930-х гг., следующим образом: в Казахстане – на 30,9 %, в Поволжье – на 23, на Украине – на 20,5, на Северном Кавказе – на 20,4 % [11, с. 120].

¹³ Государственный архив Орловской области. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

низаций была не только отвергнута, но стала поводом к циничной пропагандистской кампании «успехов коллективизации», направленной против зарубежной прессы, писавшей о голоде в СССР (см. об этом подробнее: [10, с. 249–265]).

Несмотря на очевидную вину сталинского руководства в трагедии 1932–1933 гг., его действия все же нельзя квалифицировать как «геноцид» – осознанное стремление уничтожить часть населения или народ с помощью голода. На этот счет отсутствуют прямые и достоверные источники. Более того, имеющиеся в документах факты свидетельствуют о том, что сталинское руководство принимало серьезные меры по выходу регионов из голодного кризиса.

В 1933 г. наиболее пострадавшие от голода регионы СССР получили зерновые и продовольственные ссуды, значительно превышающие уровень 1932 г. (РСФСР – 990 тыс. т зерна, УССР – 501 тыс. т зерна) [10, с. 243]. В апреле 1933 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) был приостановлен экспорт зерна из СССР, а сэкономленное зерно было направлено на внутренние нужды. Кроме того, принимались чрезвычайные меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозов с помощью политотделов МТС, развитию огородничества и ЛПХ колхозников и городских жителей. В 1933 г. изменилась система планирования хлебозаготовок: сверху устанавливались фиксированные нормы сдачи зерна. Все эти меры позволили вый-

ти из голода и успешно провести основные сельскохозяйственные кампании 1933 г.

Голод 1932–1933 гг. – это общая трагедия народов бывшего СССР, и память о ней должна объединять, а не разделять их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голод в СССР. 1930–1934 гг. М., 2009.
2. Отечественные архивы. 2009. № 2.
3. *Сталин И.В.* Соч. М., 1949. Т. 11.
4. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995.
5. Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г.
6. Как ломали нэп. М., 2000. Т. 5: Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г.
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930.
8. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.
9. *Таугер М.Б.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // Голод 1932–1933 годов. М., 1995.
10. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
11. *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 2001. Т. 3: Конец 1930 – 1933.